

«Не надо разрушать, не приготовивъ чѣмъ замѣнить.»

Нѣкогда я на страницахъ «Русскаго Инвалида» уже полемизировалъ съ г. Дмитревскимъ относительно полковыхъ традицій, противъ которыхъ онъ возстаетъ, находя, что воспитывать надо не въ полковыхъ традиціяхъ, а въ общерусскихъ, что полковыя традиціи вредны и проч. Въ свое время я рѣшилъ больше на эту тему не писать, считая, что тогда высказалъ все, что можно и нужно было сказать. Но г. Дмитревскій теперь переноситъ пропаганду своихъ теорій, которыя я продолжаю считать вредными, на страницы «Военнаго Сборника», а такъ какъ это не то же самое, что «Русскій Инвалидъ», то я не считаю себя въ правѣ молчать. и какъ бы признавать, что ничего болѣе не имѣю сказать, хотя мое имя г. Дмитревскимъ въ своей статьѣ: «Можно играть на слабыхъ струнахъ и т. д.» (см. «Воен. Сб.» 1914 д. № 4) и не упоминается. Но намековъ на меня и цитатъ изъ моихъ полемическихъ съ нимъ статей въ «Русскомъ Инвалидѣ» достаточно.

Не желая повторяться передъ тѣми изъ читателей «Военнаго Сборника», которые не читаютъ «Русскаго Инвалида», отсылаю ихъ въ общемъ къ моей статьѣ «Вредная теорія», въ

«Русскомъ Инвалидѣ» за 1913 годъ. Въ частности, обращаясь къ нынѣшней статьѣ г. Дмитревскаго, могу сказать слѣдующее:

«Полкъ», пишетъ, между прочимъ, г. Дмитревскій, «есть искусственная единица, не могущая уподобляться семьѣ, арміи, народу»... Почему не можетъ уподобляться арміи, народу, коего полкъ есть лишь частица—неизвѣстно и ничего въ подкрѣпленіе своего утвержденія г. Дмитревскимъ не сказано. Но, если онъ правъ, если полкъ нѣчто *искусственное*, особое, то почему въ немъ должны все-таки сказываться только *общія всей арміи, всему народу* традиціи, какъ желалъ бы это доказать авторъ? Традиціи тѣхъ, кому полкъ *не можетъ уподобляться*? Какъ будто не логично.

Перейдемъ къ понятію о семьѣ. Конечно, *физиологически*, полкъ не семья, но *подобенъ* ей и не только въ офицерахъ полка, а и въ нижнихъ чинахъ его. Во всѣхъ арміяхъ, всегда, вездѣ и всѣми силами, старались и стараются выдѣрить, воспитать сознаніе, что полкъ—это одна семья. Потому-то въ полкахъ, гдѣ такое сознаніе есть, гдѣ такъ смотрятъ на дѣло, ухаживаніе, на примѣръ, за женой товарища по полку, а тѣмъ болѣе связь съ нею, считается недопустимымъ, несовмѣстимымъ съ достоинствомъ *семьи*, въ высшей степени безнравственнымъ, и такой офицеръ неукоснительно удаляется изъ полка.

Но уничтожьте понятіе: полкъ—семья, и въ такомъ полку нечего удалять такого офицера, не болѣе, какъ за связь съ любой посторонней женщиной, что не считается предосудительнымъ для чести мундира. Къ сожалѣнію, такіе полки, видимо, есть, и многіе наши военные писатели, какъ я долженъ съ прискорбіемъ отмѣтить, и даже самые благонамѣренные, стремящіеся въ своихъ разсказахъ изъ военнаго быта къ добру и распространенію здоровыхъ мыслей и правилъ, часто выводятъ въ этихъ повѣстяхъ связь съ женами товарищей по полку, какъ нѣчто, увы, не только естественное, понятное, но даже прямо-таки обычное. Это нужно писателю для фабулы разсказа—пусть; но разъ онъ пишетъ для *воспитанія* военныхъ, то лучше бы онъ оговорился, хотя бы въ примѣчаніи, что связь съ женой товарища, конечно, является исключеніемъ, весьма прискорбнымъ, а что вообще, это, конечно, недопустимо и проч... Тогда и польза будетъ отъ такого разсказа.

Съ понятіемъ полкъ—семья тѣсно связанъ также и вопросъ о «предкахъ». Г. Дмитревскій, въ своихъ статьяхъ, отрицаетъ систематично такую полковую преемственность; для него у полка предковъ нѣтъ... и *физиологически* онъ опять, конечно, правъ. Но вѣдь

онъ вообще занимается не физиологіей, а военной *психологіей*; психологически же онъ не правъ. Предки у всякаго стараго полка есть, какъ есть «предки» у старой семьи. *Физиологически* у всякаго человѣка одинаково много предковъ: у каждаго крестьянина столько же, сколько и у столбового дворянина; а попробуйте-ка на практикѣ спросить и того и другого о его предкахъ! Крестьянинъ вамъ отвѣтитъ: «да кто ихъ знаетъ! Дѣдъ вотъ, какъ и отецъ и я, пахалъ землю, а раньше-то, кто ихъ знаетъ, должно, тоже пахали».

А столбовой дворянинъ вамъ скажетъ, что *по семейному преданію* прадѣдъ служилъ вѣрой и правдой «Благословенному» въ такомъ-то полку противъ французовъ, что такой-то прапрадѣдъ, служа вѣрой и правдой Царю Петру, сопровождалъ его въ заграничное путешествіе, что такой-то... замученъ Грознымъ за правду и т. д. и т. д. Про такое отношеніе къ предкамъ, я увѣренъ, даже самъ Дарвинъ не рѣшился бы сказать, что оно просто результатъ атавизма (явленія физиологическаго), а согласился бы, что оно является результатомъ нравственнаго воспитанія духа, преемственно повторяемаго изъ поколѣній въ поколѣнія, связанныя однимъ общимъ интересомъ—*именемъ*, фамиліей. Такъ же точно одно общее *имя* связываетъ и одно поколѣніе всякаго полка съ предыдущими; и, какъ гордость столбового дворянина состоитъ въ томъ, чтобы поддержать незапятнаннымъ семейное свое *имя*, сохраненное въ чистотѣ столькими поколѣніями, такъ и гордость каждаго офицера даннаго полка должна состоять въ томъ, чтобы не только помнить о чистотѣ полковаго *имени*, но и всячески стараться самому поддерживать и беречь эту чистоту, какъ ее поддерживали прежнія поколѣнія—предки. И поэтому-то полкъ вполне можетъ уподобляться семьѣ, какъ оно и есть на дѣлѣ въ хорошихъ полкахъ.

Далѣе г. Дмитревскій пишетъ: «...вся армія, какъ бы она тамъ ни дѣлилась... должна быть вся «отборная», т.-е. одинаково хорошо обученная, воспитанная, вооруженная». Прекрасно, и никто не станетъ спорить, что всѣ полки должны быть одинаково хорошо обучены и проч. Но, кромѣ этого, есть еще и другія качества, составляющія отборность полка. *Отборный* значитъ вѣдь избранный, лучшій, особенный, а когда, по терминологіи г. Дмитревскаго, *вся армія* станетъ отборной, то отборность эта сама собою вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ и наступитъ *одинаковость*. Поэтому само выраженіе «одинаково отборная», употребляемое г. Дмитревскимъ, по меньшей мѣрѣ... не логично.

«Прежде», говорить онъ, «отборные полки неумышленно создавали» (ковычки г. Дмитревскаго), а, очевидно, они создавались сами, въ силу условій и обстоятельствъ, *нынѣ отсутствующихъ* (курсивъ мой), напримѣръ, пожизненная служба, допущеніе неравномѣрнаго нравственнаго и интеллектуальнаго развитія начальниковъ и т. п.»

Позвольте, откуда это? Исторія говорить намъ наоборотъ, что отборные полки именно *создавались* и притомъ умышленно отборными: таковыми, напримѣръ, были при Петрѣ Великомъ «пиквадроны» фельдмаршаловъ, составленные большей частью изъ нижнихъ чиновъ-дворянъ (изъ шляхетства), потомъ лейбъ-регіментъ, въ которомъ всѣ нижніе чины непремѣнно *должны* были быть «изъ шляхетства» и т. п. Позже, до царствованія Императора Николая Павловича включительно, въ полки гвардіи выбирались и переводились *лучшіе* изъ нижнихъ чиновъ армейскихъ полковъ. Ужъ этоли не «отборъ?» И какъ тутъ говорить «неумышленно создавались», а сами собой! А гренадерскія роты въ полкахъ, въ которыя выбирали, «отбирали», лучшихъ людей всего полка—это тоже неумышленный отборъ?

«Допущеніе неравномѣрнаго нравственнаго и интеллектуальнаго развитія начальниковъ», читали мы выше, а немного дальше стоитъ: «Правда, отдѣльные лица, начальники—индивидуальны и допускаютъ разнообразіе...», но первое обстоятельство относится г. Дмитревскимъ къ «нынѣ отсутствующимъ», а второе представляетъ допускъ, что это и нынѣ бываетъ; что же въ концѣ концовъ г. Дмитревскій считаетъ дѣйствительно имѣющимъ мѣсто? Гдѣ же логика? А все сіе для того только, чтобы въ конечномъ выводѣ сказать: «но полки не должны разнообразиться ничѣмъ, кромѣ номера, такъ какъ дается одинаковый матеріалъ, одна марка нравственнаго и умственнаго развитія, одно вооруженіе, наконецъ, одна и та же, признанная наисовершеннѣйшей, боевая подготовка».

«Человѣкъ—всегда человѣкъ, полкъ же—машина».

«И бессмысленно изъ одинаковаго матеріала готовить машины не одинаково отборныя».

Хорошо. Но почему полкъ—машина? Г. Дмитревскій этого не объясняетъ. Во времена *линейной тактики*, дѣйствительно, изъ полка, какъ и изъ солдата, стремились сдѣлать машину, которую можно было нацѣливать куда угодно и которая не смѣла уклоняться ни вправо, ни влѣво отъ даннаго направленія, въ которой ни одинъ солдатъ не смѣлъ разсуждать, а могъ и долженъ былъ

только слушаться и... умирать. Нынѣ же, какъ разъ наоборотъ: полкъ долженъ быть живымъ, одухотвореннымъ организмомъ, существомъ разсуждающимъ, гибкимъ, умнымъ, какъ каждая изъ его составныхъ частей—офицеровъ и нижнихъ чиновъ; такими нынѣ и стремятся воспитывать ихъ. Нѣтъ, полкъ теперь менѣе машина, чѣмъ когда-либо въ исторіи.

Станемъ, однако, на минуту на точку зрѣнія г. Дмитревскаго и допустимъ, что полкъ—машина. Сравнимъ его съ современнѣйшей машиной—автомобильнымъ моторомъ. Части этого мотора выдѣлываются на заводѣ по одному лекалу, соединяются между собой по одной системѣ, и, однако, всякій автомобилъ вамъ скажетъ, что каждый экземпляръ извѣстнаго мотора работаетъ иначе, имѣетъ нѣкоторую свою индивидуальность. Почему это?

Да потому, что, несмотря на одинаковость выработки составныхъ частей, составленіе ихъ, скрѣпленіе между собой, пригонка, *если отъ машины*, не принимаютъ въ расчетъ мелкихъ, часто незамѣтныхъ, разнообразій частей механизма, которыя, однако, всегда бываютъ. И разница между моторомъ съ хорошаго завода и съ плохого заключается именно въ томъ, что хорошій заводъ изслѣдуетъ всѣ эти мелкія разнообразія, провѣряетъ ихъ и регулируетъ, а плохой, въ погонѣ за быстротой исполненія и дешевизной, ихъ игнорируетъ, руководится только шаблономъ, и машина выходитъ обыкновенная. Первая обходится, понятно, дороже, ибо требуетъ большей тщательности изготовленія, но зато она и служитъ дольше, выноситъ больше работы.

Такъ же и въ полкахъ: уставы, инструкціи и проч. положенія, это тѣ общія основанія скрѣпленія частей полка (его чиновъ), которыя, вмѣстѣ съ общими принципами «за Вѣру, Царя и Отечество», «до послѣдней капли крови» принадлежатъ *всѣмъ* полкамъ. Полковые же обычаи, завѣты, преданія (традиціи)—это тѣ мелкія, неуловимыя различія въ спайкѣ частей полка, которыя составляютъ его индивидуальность и отличаютъ, тщательностью своей отдѣлки, болѣе, можетъ быть, дорогую машину отъ болѣе дешевой, но шаблонной. Первая будетъ дѣйствовать безшумно и безъ отказа и *прослужитъ дольше*, а вторая, въ которой эти тонкости въ расчетъ не приняты, поскрипывая и погромыхивая, *разболтается скорѣе* и раньше откажется служить.

«Одинаковый матеріалъ». Еще въ моей статьѣ «Вредная теорія» («Русск. Инв.») я писалъ по этому поводу: въ русской арміи имѣются полки, въ которыхъ преобладаютъ разныя пле-

мена: въ одномъ — великороссы, въ другомъ — малороссы, въ третьемъ — литовцы и поляки, въ четвертомъ — татары, въ пятомъ — балтійцы, въ шестомъ — кавказскія народности; есть казаки, есть, наконецъ, туркменскія части, монгольскія... Неужели г. Дмитревскій думаетъ и станетъ утверждать, что весь этотъ матеріаль *однороденъ*? Боже меня сохрани подумать, чтобы одна народность была болѣе способна на подвиги, чѣмъ другая: герои были у всѣхъ народовъ и во всѣ времена. Но традиціи русскаго народа — арміи не могутъ быть однородными, потому что она сама неоднородна; неоднородны по составу своему корпуса, дивизіи, полки... неоднородны по воспитательному и образовательному уровню ихъ офицерскаго корпуса, неоднородны по этнографическому составу нижнихъ чиновъ и ихъ умственному развитію. Равенства нѣтъ въ арміи — какъ нѣтъ его въ природѣ. А потому и традиціи разнообразны. «какъ разнообразенъ матеріаль».

Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка этого, кажется, было бы достаточно, чтобы доказать, что *одинаковости матеріала*, предполагаемой г. Дмитревскимъ, въ дѣйствительности въ русской арміи *не существуетъ*.

Въ одной изъ своихъ первыхъ статей въ «Русск. Инв.», г. Дмитревскій говорилъ о полкахъ, «которые мѣняютъ свой обликъ съ каждымъ новымъ командиромъ». Но вѣдь самъ же г. Дмитревскій выше сказалъ, что «начальники индивидуальны и допускаютъ разнообразіе». Слѣдовательно, если его теорія правильна, то и полки, «мѣняющіе свой обликъ съ каждымъ новымъ командиромъ», будутъ также мѣнять свою индивидуальность, будутъ *разнообразны*, несмотря на одинаковость матеріала, въ зависимости отъ личности начальника..., а пресловутыя равенство и «одинаковая отборность» улетучатся, какъ дымъ.

По счастью, все это на дѣлѣ не такъ (и я это доказывалъ въ статьѣ «Вредная теорія»), а потому и полковыя традиціи, всегда и несмотря на все, будутъ существовать, но *не въ* общевойсковыхъ, какъ хочетъ доказать г. Дмитревскій и чего я никогда не утверждалъ, а *сверхъ* общевойсковыхъ. Попробуйте отнять у полковъ ихъ имена и дать имъ взамѣнъ ихъ номера — все равно номеръ сдѣлается *именемъ*, за которое каждый полкъ будетъ распинаться, какъ за нѣчто *свое собственное*, дорогое. Люди стали давать другъ другу имена, дали имена семействамъ (фамиліи) не для того, чтобы быть *одинаковыми*, а для того, чтобы *различаться, отличаться*, одинъ отъ другого, чтобы *не быть похожими* другъ на друга, и за

эти *имена*, за «звукъ пустой», жертвовали часто жизнью. Отчего же полкъ, т.-е. собраніе людей, объединенныхъ однимъ общимъ интересомъ, *именъ*, не долженъ и не можетъ жертвовать своей коллективной жизнью за честь этого, своего собственного, имени, не можетъ гордиться этимъ своимъ собственнымъ названіемъ, не можетъ поддерживать въ членахъ этой своей семьи—группы особенности, присущія этому имени, связанные съ нимъ вѣками? Отчего онъ долженъ непременно подходить подъ одинъ общій, скажемъ даже выдающійся, шаблонъ, растворяться въ общей массѣ арміи, обезличиваться? Для того, чтобы не обидѣть другихъ, чтобы не было *худшихъ*, какъ проповѣдуетъ въ своихъ статьяхъ г. Дмитревскій; а были бы только «одинаково отборные»? Да, конечно, если бы это было возможно; но вѣдь, повторю: «отборный» (значитъ «выдѣленный, особенный»), а не *одинаковый*. И, если всѣ полки, по желанію г. Дмитревскаго, станутъ одинаково отборными, то они станутъ только одинаково плохи, сѣры и безцвѣтны, ибо съ кого же имъ брать примѣръ того, какими *надо быть*? Съ устава?

Да, конечно, уставъ, вооруженіе, обученіе — одни и тѣ же для всѣхъ полковъ нашей арміи. Но еще не нашелся тотъ человекъ, который взялся бы составить *уставъ для воспитанія полковъ*. А *традиціи*, вѣдь, входятъ въ область *воспитанія*, которое всегда является результатомъ личныхъ качествъ и способностей воспитателя, его индивидуальности. Поэтому-то, какъ правильно замѣтилъ г. Дмитревскій, и полки будутъ разно воспитаны, потому что личности начальниковъ—командировъ полковъ—индивидуальны, разнообразны. Полковья же традиціи служатъ, въ большинствѣ случаевъ, какъ бы воспитателями, гораздо болѣе устойчивыми, чѣмъ начальники, часто, сравнительно, мѣняющіеся: а офицеры полка—не болѣе, какъ *передаточная*, такъ сказать, *станція отъ старыхъ поколѣній* къ новымъ древнихъ, выработанныхъ этими воспитателями, правилъ и принциповъ; а съ такими воспитателями, какъ время и исторія, врядъ ли кто рѣшится *не считаться*.

«И въ войну 1904—1904 г. и въ смутное время 1905 г. достаточно было причинъ осудить.... «разнообразіе полковыхъ традицій» и фактовъ, доказывающихъ.... ну, хоть то, что эти полковья традиціи.... «можно только чувствовать», а не выражать въ словахъ или въ дѣйствіяхъ». Такъ туманно и бездоказательно заканчиваетъ свою статью г. Дмитревскій. Можно бы пройти мимо такихъ туманныхъ обвиненій, но такъ какъ поставленные въ ковычкахъ слова «разнообразіе полковыхъ традицій» и «можно только

чувствовать» взяты изъ моихъ статей въ «Русск. Инв.», въ которыхъ я съ г. Дмитревскимъ полемизировалъ на эту тему, то мнѣ кажется справедливымъ попросить его привести въ доказательство своихъ положеній хоть нѣкоторые изъ «причинъ» и «фактовъ», на которые онъ ссылается.

Приводимый же имъ примѣръ сдачи Портъ-Артура никакъ сюда не подходитъ: всякому извѣстно, что громадное большинство защитниковъ этой крѣпости именно дралось «до послѣдней капли крови», памятуя, что «мертвыи сраму не имуть», что и доказали; а крѣпость была сдана неприятелю *не арміей, не вѣликии партизонами*, а нѣсколькими лицами. Причемъ же тутъ полковьяя и иньяя традиціи? Нельзя для полемическихъ цѣлей бросать незаслуженный упрекъ ни въ чемъ неповиннымъ людямъ—солдатамъ и офицерамъ, доблестно, въ общемъ, исполнившимъ свой долгъ передъ Царемъ и родиной и удивившимъ весь міръ своей храбростью, которую не могъ затмить неудачный конецъ драмы. И откуда, наконецъ, г. Дмитревскій нашель въ печальной эпопее Портъ-Артура доказательства тому, что, «заботясь объ искусственной прививкѣ полковьяихъ традицій, мы не сберегли традицій всего русскаго народа, всей русскаго арміи?»

Да какія это, наконецъ, столь излюбленныя г. Дмитревскимъ *традиціи всего русскаго народа, всей русскаго арміи*? И какія вообще у *народа*, у цѣлой арміи, могутъ быть военныя традиціи? Драться до послѣдней капли крови, умереть, но не отступить, сложить свои буйныя головы за Царя и за родину... еще что? Но попробуйте сказать какому нибудь народу, любой другой націи, что это только *русскія народныя* традиціи, традиціи *только русскаго арміи*, отличающія ее отъ другихъ! Итъ, господа, это традиціи (если ужъ непременно нужно это такъ называть) *всякой* арміи, *всякаго* народа, идущаго въ бой. А вотъ, когда исторія гласитъ, что мы русскіе (какъ и турки тоже) особенно хорошо деремся въ укрѣпленіяхъ—это, пожалуй традиція, послѣдствіе народнаго характера... только врядъ ли это особенно хорошая традиція. Да впрочемъ... Суворовъ доказалъ, что и наступленіе можетъ стать русскою традиціей. Такъ какія ужъ тутъ общенародныя традиціи!

Эхъ, господа моралисты и проповѣдники «все—народности, все—армейства» (почему не все—человѣчества?), воспитывайте, конечно, армію въ общихъ народныхъ традиціяхъ, если вы ихъ признаете, воспитывайте въ чинахъ ея вѣру, чувства долга, пре-

данности и любви къ Царю и Отечеству, воспитывайте въ нихъ понятія о чести, благородствѣ и рыцарствѣ и проч. и проч. Но не покушайтесь, изъ неправильнаго опасенія какой то розни, убивать въ нихъ тѣ проявленія *частныхъ чертъ характера*, которыми являются *полковыя традиціи*, дающія каждому полку *лицо*.

Онѣ могутъ быть несовершенны, подчасъ смѣшны и даже иногда вредны (и такихъ, понятно, не надо поддерживать), но нельзя изъ за той или другой плохой традиціи, обыкновенно, со-всѣмъ случайно украшенной этимъ названіемъ, огульно осуждать *всю* полковыя традиціи. Онѣ зачастую болѣе понятны и легко усвояемы тѣми, для кого онѣ сдѣланы, дабы быстрѣе и лучше воспитывать ихъ въ надлежащемъ духѣ, чѣмъ отвлеченныя, трудно понятныя нашему простолыдину и среднему офицеру, теоріи вродѣ общечеловѣчества или *общерусскихъ* традицій.

Но довольно казуистики: будемъ говорить на чистоту и, можетъ быть, мы всетаки съ г. Дмитревскимъ въ концѣ концовъ столкнемся.

Конечно, желательно, чтобы во всѣхъ полкахъ русской арміи господствовали однѣ и тѣже традиціи, которыя я бы хотѣлъ охарактеризовать однимъ обобщающимъ выраженіемъ— «рыцарскія». Но на дѣлѣ, къ сожалѣнію, онѣ соблюдаются болѣе или менѣе въ совершенствѣ только частью полковъ, а не всѣми. Въ соблюдающихъ ихъ, сверхъ того, бываетъ много болѣе мелкихъ традицій, которыя зависятъ отъ состава полка; одному онѣ даются легко, другому трудно; въ одномъ онѣ хороши, въ другомъ этимъ именемъ прикрывается нѣчто совсѣмъ нехорошее; въ одномъ случаѣ онѣ идутъ на пользу полка и его личнаго состава, въ другомъ скорѣе во вредъ. Поддерживать, разумѣется, слѣдуетъ только тѣ, которыя хороши и полезны, а не «плевелы».

Учить всегда легче примѣромъ, показомъ. Поэтому, казалось бы, надо полки, соблюдающіе общія традиціи, сумѣвшіе обратить ихъ въ *свои полковыя, ставить въ примѣръ тѣмъ*, которые этихъ традицій не имѣютъ, не усвоили, не умѣютъ соблюдать, а не дразнить послѣднихъ, выставляя носителей рыцарскихъ традицій чванливыми петиметрами, свысока смотрящими на «низшую братію», и не говорить этой послѣдней, какъ это дѣлають г. Дмитревскій и К^о.: «традиція есть только одна «общерусская», а такъ называемыя традиціи *этихъ* полковъ — напускное и пустое; чѣмъ они лучше васъ?» Вотъ это, дѣйствительно, вызываетъ рознь и недовольство. Не уничтожать надо полковыя традиціи, гдѣ онѣ есть, не низводить, во славу «общихъ традицій», полки, соблюдающіе ихъ, до

уровня несоблюдающихъ, а поддерживать ихъ и возвышать немущихъ, несоблюдающихъ, до высоты тѣхъ, которые сумѣли сбечь эти традиціи, подъ той или иной формой. На бѣду «плевелы» всегда виднѣе, и г. Дмитревскій только ихъ и видитъ и только въ нихъ видитъ «полковныя традиціи», а потому и ненавидитъ ихъ. Пусть. И если по его системѣ удастся когда нибудь внѣдрить во всѣ русскіе полки его «общерусскія, общеармейскія» традиціи, я первый признаю свои ошибки, перекрещусь, и скажу: «Аминь». Только удастся ли? Сомнѣваюсь; пока что-то не видно. А пока остаюсь при своемъ мнѣніи; лучше поддерживать хорошія полковныя традиціи, какъ испытанное средство воспитанія, чѣмъ неиспытанныя туманныя «общія» теоріи. Послѣднія, впрочемъ, должны были бы преподаваться въ семьѣ, школѣ и учрежденіяхъ, такъ или иначе готовящихъ офицеровъ, а не въ полкахъ. Но это уже иной вопросъ.

Герцогъ Г. Лейхтенбергскій.

